

Он был облачен в изысканный деловой костюм, выглядел статно и безупречно. Эта строгая одежда сдерживала его природную ярость, присущую военачальнику, и прятала бандитский дух, въевшийся в самые кости.

Се Цзяньвэй нахмурился.

Лу Ли поднял бокал перед молодоженами:

— Желаю вам счастья.

Се Цзяньвэй промолчал, зато женщина рядом с ним рассмеялась:

— Брат, ты слишком неискренен. Разве одних пожеланий достаточно? Я хочу подарок!

Лу Ли посмотрел на неё с редкой, пронзительной нежностью и тихо произнес:

— Ты у меня единственная сестра. Разве я когда-нибудь отказывал тебе в том, чего ты просила?

Сказав это, он бросил мимолетный взгляд на Се Цзяньвэя.

Сестра? Не говоря уже о том, что Лу Ли — сирота из Дикого сектора, откуда у него вообще взялась сестра? И даже если бы она существовала, с какой стати он позволил бы ей выйти замуж за... самого себя?

Даже всегда невозмутимый военный советник Се был готов выругаться.

Однако «брат с сестрой» весело болтали. Женщина, прильнувшая к руке Се Цзяньвэя, просияла:

— Ладно-ладно, мне ничего не нужно! Выйти замуж за брата Цзяньвэя — это и есть моё счастье!

Выражение лица Лу Ли заметно дрогнуло, но он тут же растянул губы в усмешке:

— Ну что за дела? Разве невеста не должна плакать, уходя из дома?

Лу Цинцин захлопала глазами:

— Ни капельки! Я безумно счастлива быть рядом с братом Цзяньвэем!

Лу Ли улыбнулся и наконец повернулся к Се Цзяньвэю:

— Позаботься о Цинцин.

Се Цзяньвэй немигающим взглядом уставился на него.

Лу Ли лишь на мгновение задержал на нем взор и тут же отвел глаза:

— Пойду поприветствую гостей. Устанете — идите отдохните в задних комнатах.

Бросив это, он развернулся и ушел.

Се Цзяньвэй слишком хорошо его знал: когда этот парень строит из себя серьезного, значит, внутри у него всё совсем наоборот. Но из-за женщины рядом Се Цзяньвэй не стал его останавливать и позволил уйти.

Свадьба оказалась хлопотной и утомительной. Оказавшись в спальне, Се Цзяньвэй, разумеется, не собирался исполнять супружеский долг с незнакомкой.

Он в совершенстве владел древними боевыми искусствами, поэтому усыпить человека, не подозревающего угрозы, для него было проще простого.

Уложив невесту спать, «новоиспеченный муж» ослабил галстук и отправился на поиски своего «шурина».

Ему нужно было поговорить.

Серьезно поговорить о том, что это за чертовщина — играть в шурина и зятя, вместо того чтобы быть нормальными супругами!

Военный советник Се пришел вершить суд, но, увидев жалкий вид «преступника», снова смягчился.

Хотя это был сон, в ментальном мире всё ощущалось как реальность.

Как и в любом сновидении, человек не осознает, что спит. Для Лу Ли всё происходящее было настоящим.

Любимый человек женился на другой. Он не мог помешать, он был обязан благословить их — и при этом улыбаться.

Насколько натянутой была эта улыбка, сколько боли скрывалось за ней и какое отчаяние таилось в этой боли — словами не передать.

Сколько бы алкоголя он ни выпил, это лишь притупляло чувства, но никак не лечило гниющее сердце.

Нельзя заполучить, нельзя коснуться, а теперь даже думать об этом стало запрещено.

Лу Ли не знал, когда именно полюбил Се Цзяньвэя, но к тому моменту, как это чувство разрослось в огромную колючую лиану, он оказался намертво ею оплетен.

Самое печальное, что в тот момент, когда он собрался хоть что-то сказать, Лу Цинцин заявила: «Брат, брат Цзяньвэй сделал мне предложение!»

В голове у Лу Ли загудело. Он понял, что лиана, сковавшая его, ядовита, и этот яд по венам просочился в самое сердце, разъедая всё тело.

Его единственная сестра и человек, которого он любил, были вместе.

Они собирались пожениться.

Если бы у него были родители, он бы уехал куда подальше. Если бы Лу Цинцин не была его сестрой, он бы отбил Се Цзяньвэя. Но сейчас... Лу Цинцин — его единственный родной человек, с которым они делили все тяготы жизни. Он должен был вести её к алтарю и в месте, символизирующем святость и вечность, вложить руку сестры в ладонь любимого человека.

Как абсурдно.

Но этот абсурд стал реальностью.

Банкет закончился, шум развеялся, словно фейерверк в ночном небе.

Пустая ночь, холодная комната. Лу Ли был пьян в стельку, и в полубреду ему показалось, что он видит Се Цзяньвэя.

Юноша, купающийся в лунном свете, был прекрасен, как в день их первой встречи.

Лу Ли горько усмехнулся.

Се Цзяньвэй тихо вздохнул, подошел ближе и сказал:

— Не сиди здесь, простудишься.

Лу Ли поднял голову.

Се Цзяньвэй наклонился к нему:

— Я помогу тебе...

— А-Вэй, — Лу Ли смотрел на него не отрываясь, его голос звучал хрипло и горько. — ...Я сплю?

Се Цзяньвэй: «...»

Лу Ли слегка нахмурился и пробормотал себе под нос:

— Точно, это сон. В это время Се Цзяньвэй должен быть с Лу Цинцин, молодожены должны наслаждаться друг другом, делая то, от чего у меня разрывается сердце.

Се Цзяньвэй решил не тратить слова на пьяницу. Он попытался поднять его, но этот парень, хоть и был в стельку пьян, обладал огромной силой. Се Цзяньвэй не только не смог его сдвинуть, но и сам повалился в его объятия.

Это была случайность, военный советник Се клянется!

Но раз уж упал, так упал. Они ведь столько лет прожили вместе, чего только не было? Просто обнялись — что тут такого? Поцеловались — и что?

Но что удивило Се Цзяньвэя, так это то, что стоило им прижаться друг к другу, как у этого негодяя «там» всё пришло в боевую готовность!

Се Цзяньвэй повернул голову.

Черные глаза Лу Ли горели, он впился взглядом в его губы.

Его взгляд был слишком откровенным, пропитанным жаждой и намеками.

Тонкие губы Се Цзяньвэя дрогнули — едва заметное движение, но невероятно соблазнительное.

Лу Ли, который и так смотрел на него не мигая, словно под гипнозом, не раздумывая, впился в

его губы.

В этот миг Лу Ли, казалось, немного протрезвел, осознав, что совершает нечто недопустимое.

Но Се Цзяньвэй не оттолкнул его, а наоборот — закрыл глаза.

Сердце Лу Ли подпрыгнуло, он прижал его за затылок, жадно проникая в рот, выплескивая всю накопленную в глубине души любовь.

Один был пьян и думал, что это сон.

Другой давно привык к Лу Ли.

Хотя поначалу было немного больно — видимо, во сне Лу Ли решил, что у него нет опыта, поэтому он стал «неопытным», а нынешний Лу Ли был слишком нетерпелив, действовал напролом, так что без боли было не обойтись.

Се Цзяньвэй поначалу сопротивлялся, но Лу Ли уже не мог остановиться.

К счастью, маршал обладал «выдающимся талантом», и вскоре Се Цзяньвэй распробовал вкус, начав отвечать ему.

Брачная ночь, бурная страсть — всё весьма к месту.

Только вот объект был немного не тот.

Лу Ли, видимо, был доведен до ручки своей безответной любовью и принял это за пир во время чумы, действуя крайне неистово.

Се Цзяньвэй так устал, что просто отключился.

Когда взошло солнце, хмель улетучился. Лу Ли, полностью придя в себя и глядя на беспорядок вокруг, застыл.

Это был свадебный зал его сестры Лу Цинцин и её мужа Се Цзяньвэя.

Они здесь поклялись друг другу в вечной любви.

А он... он здесь сделал это со своим зятем...

Это был не сон!

Лицо Лу Ли побелело. Он смотрел на спящего Се Цзяньвэя, чувствуя, как внутри разливается ледяная вода, от которой дрожали пальцы.

Что он наделал? Он...

Картины прошлой ночи нахлынули волной: сопротивление Се Цзяньвэя, его собственное вторжение и грубость.

Он был пьян, потерял контроль и в брачную ночь изнасиловал собственного зятя.

Этот факт, словно раскаленное клеймо, выжег след на его сердце, вызывая не только острую боль, но и липкий ужас.

Что делать? Как быть?

Се Цзяньвэй возненавидит его.

Лу Цинцин возненавидит его.

Что же он натворил!

Лу Ли не хотел причинять боль двум любимым людям, но теперь всё было кончено!

Когда Се Цзяньвэй проснулся, Лу Ли приводил его в порядок.

Погрузившись в приятную теплую воду, Се Цзяньвэй тихо выдохнул и медленно открыл глаза.

В тот момент, когда их взгляды встретились, черные глаза Лу Ли сузились, и он поспешно отдернул руку от «того самого места».

Се Цзяньвэй тихо хмыкнул и недовольно на него покосился.

Лу Ли даже смотреть на него боялся.

Се Цзяньвэй подумал: «С чего это он стал таким послушным?»

Впрочем, там всё еще было липко и неприятно, поэтому он сказал:

— ...Не останавливайся.

Лу Ли резко поднял голову.

Се Цзяньвэй лениво протянул:

— Я устал, не хочу возиться, помоги мне.

Лу Ли выглядел так, будто не верил своим ушам. Он впился взглядом в Се Цзяньвэя, словно не понимая смысла слов.

Бедный военный советник Се совершенно не принимал всерьез статус «зятя». В конце концов, это сон. Лу Ли любит его, он любит Лу Ли, они уже всё сделали, к чему ломать комедию?

Тем более, стоит ли им вообще церемониться?

Однако Лу Ли был в полном шоке:

— А-Вэй...

Се Цзяньвэй посмотрел на него:

— Что такое?

Лу Ли:

— Я...

Се Цзяньвэй решил, что тот хочет продолжения, и нахмурился:

— Я правда устал. Не мучай меня, давай отдохнем пару дней, а потом продолжим.

Лицо Лу Ли приобрело неестественно бледный оттенок:

— Я Лу Ли, а не Лу Цинцин.

Се Цзяньвэй наконец осознал суть:

— Ясное дело, я знаю, что ты Лу Ли.

Выражение лица Лу Ли стало еще хуже:

— Мы...

Се Цзяньвэй помолчал, а затем решил выложить всё как есть:

— Лу Ли, я люблю тебя.

Хотя он еще не знал, в чем именно заключается душевный узел Лу Ли, но раз уж он его нашел, сначала признается в любви, потом они будут вместе, а там, глядишь, всё наладится...

Мудрый военный советник Се в этот раз совершил глупость!

Не успела эта мысль оформиться, как перед глазами всё поплыло, и, открыв глаза, он понял, что «проснулся» из сна.

Се Цзяньвэй моргнул.

Янь Кэ тоже моргнул:

— Так быстро вернулся?

Се Цзяньвэй: «...»

Янь Кэ спросил:

— Ну как? Что там? Какую личность встретил? Нашел душевный узел маршала? Поговорил с ним по душам?

Вопросы сыпались один за другим, Се Цзяньвэй не мог вымолвить ни слова.

Что произошло?

Он всего лишь признался в любви, почему его «вышвырнуло»?

Янь Кэ широко раскрыл глаза и выругался:

— Твою ж мать!

Се Цзяньвэй пришел в себя и посмотрел на него:

— Что случилось?

Янь Кэ уставился в приборы и спустя долгое время глупо повернулся к Се Цзяньвэй:

— Господин! Я настроил магнитное поле, чтобы вы вылечили маршала, а вы... вы...

Се Цзяньвэй отодвинул его, взглянул на данные приборов, и его красивые брови тут же сплелись в узел.

Он пробормотал:

— Как такое возможно?

Болезнь Лу Ли прогрессировала. Раньше у него было четыре фиксированные личности, а теперь... добавилось еще две!

Янь Кэ с болью в сердце спросил:

— Господин, что вы натворили?

Се Цзяньвэй задумался:

— Да ничего особенного...

Секс был любимым занятием маньяка Лу, он провел с ним всю ночь, терпел боль, так почему же болезнь обострилась?

Янь Кэ не стал тянуть и потребовал:

— Рассказывай всё по порядку: что видел, что делал.

Се Цзяньвэй: «...»

Янь Кэ добавил:

— Мне не нужны подробности вашей супружеской жизни, просто... гм... в общих чертах опиши события.

И военный советник Се подробно рассказал, как превратился из спутника жизни Лу Ли в его зятя.

Янь Кэ слушал с ошарашенным видом:

— Что за бред!

Се Цзяньвэй хотел сказать то же самое.

Янь Кэ, отбросив мысли о странных пристрастиях маршала, спросил:

— Что вы сказали, когда покидали сон?

Се Цзяньвэй вкратце описал финал.

Янь Кэ: «...»

Се Цзяньвэй сказал:

— Он любит меня, я люблю его. Разве признаться в любви — это ошибка?

Янь Кэ схватился за голову:

— Господин, вы не можете относиться к этому сну как к сну! Вы там, чтобы лечить, а для маршала этот сон — реальность!

Янь Кэ принялся толковать:

— Поставьте себя на его место. Вы тайно влюблены в своего зятя, боитесь признаться, через силу дарите благословения, а потом просыпаетесь и понимаете, что изнасиловали его. И зять не только не убил вас, а признался в любви! Вы считаете, это нормально? Вы сможете в это поверить? У него же психика должна рухнуть!

Се Цзяньвэй: «...»

Янь Кэ вздохнул:

— Нужно подыгрывать, понимаете? Подыгрывать!

IQ Се Цзяньвэя был двести восемьдесят, он мгновенно всё понял:

— Ты хочешь сказать, я должен по-настоящему играть роль его зятя?

Янь Кэ тяжело кивнул:

— Не просто зятя, а следовать его сценарию, развивать события согласно его логике. Сон не должен разрушиться!

Се Цзяньвэй нахмурился.

Янь Кэ, боясь, что тот проявит мягкость, отрезал:

— Раз он решил, что вы его не любите, значит, вы не должны его любить...

Но Се Цзяньвэй действительно его любил:

— Но...

— Никаких «но»! Только сохранив целостность сна, вы найдете его душевный узел. Запомните: вы там, чтобы вылечить его, а не сделать хуже!

Военному советнику Се нечего было ответить.

Янь Кэ добавил с серьезным видом:

— Как говорится, горькое лекарство полезно для болезни. Господин, нельзя проявлять жалость — если нужно мучить, значит, мучьте до смерти!

Лу Ли, который только что расщепился на новые личности, снова ждал его.

Се Цзяньвэй пришел в себя в роскошной комнате.

На потолке висела массивная хрустальная люстра в старинном стиле, стены были оклеены обоями с изысканным узором, на них висели картины, которые явно были написаны известными мастерами.

Такой интерьер не по карману обычным людям.

Се Цзяньвэй встал с кровати. Шелк черного халата скользнул по ногам и расстелился по ворсистому ковру. Напротив, в панорамном окне с односторонним зеркалом, отразился его облик.

Лицо то же, лишь волосы стали немного длиннее. Видимо, он только проснулся: пижама была распахнута, открывая широкую грудь и ноги, пояс едва держался, едва прикрывая то, что следовало скрыть.

Се Цзяньвэй собрался привести себя в порядок, как вдруг позади послышались шаги.

Он обернулся и увидел мужчину, стоящего под хрустальной люстрой.

Тот явно только что приехал: на нем был темно-синий длинный плащ, верхняя пуговица фиолетовой рубашки расстегнута, обнажая сексуальные ключицы.

В свете ламп его черные глаза горели нескрываемым обожанием.

— Лу Ли.

Се Цзяньвэй прикинул ситуацию. Что это значит?

Неужели в этом сне они — влюбленные?

Се Цзяньвэй обрадовался, но не стал спешить, просто глядя на него.

Взгляд Лу Ли блуждал по его телу — от белой груди до босых ног. Дюйм за дюймом, медленно, но неистово, словно осязаемо.

<http://bllate.org/book/21280/2156609>